

К ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА КАМЕННОЙ ВОСКРЕСЕНСКОЙ (ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ) ЦЕРКВИ В СЕРГИЕВСКОМ ПОСАДЕ

Н. А. ЧЕТЫРИНА

Аннотация: Один из приходов старинного Сергиевского посада Московской губернии получил свое название от деревянной церкви во имя Обновления храма Воскресения Христова, в просторечии Воскресенской. Она была поставлена к северу от обители в 1654 г. по указу царя Алексея Михайловича и по благословению патриарха Никона в память о событиях обороны монастыря 1608–1610 гг. К 1782 г., к моменту получения поселением городского статуса — статуса посада, Воскресенская церковь оставалась деревянной, в то время как в остальных приходах храмы были каменными. Более того, рядом с ней стояла еще одна деревянная церковь этого прихода — во имя апостолов Петра и Павла (Петропавловская). Заменить деревянные постройки на каменный (кирпичный) храм удалось только в первой четверти XIX в. Первоначально предполагалось осуществить строительство за пару сезонов 1811–1812 гг. Для этого было получено разрешение (резолуция) митрополита Платона, одобрен план и фасад церкви с приделом, найдена подходящая артель строителей, организована работа кирпичного завода, заготовлены другие стройматериалы. Однако события Отечественной войны 1812 г. и ее последствия затормозили ход работ. К возведению постройки вернулись в 1814 г. Освящение храма произошло в два приема, по мере окончания всех строительных и отделочных работ. В 1818 г. был освящен главный престол во имя Обновления храма Воскресения Христова на новом антиминсе, а на следующий 1819 год — придел с престолом во имя апостолов Петра и Павла на старом антиминсе. Оба события произошли с участием выдающегося местного уроженца архимандрита Никанора (26.11.1787–17.09.1856) и духовенства Сергиевского посада. В повседневном обиходе жители часто называют ее Петропавловской церковью. В XX в. она пережила разорение и возрождение, а сейчас является подворьем Троице-Сергиевой лавры.

Ключевые слова: краеведение, Троице-Сергиева лавра, Сергиевский посад, Воскресенская (Петропавловская) церковь, приход, каменное строительство, производство кирпича.

Церковь Воскресения, расположенная к северу от Троице-Сергиевой лавры, своим возникновением связана с событиями обороны монастыря в 1608–1610 гг. Вылазки осажденных из крепости в эту сторону сопровождались огромными людскими потерями. В память о них на этом месте в 1654 г. монастырем была поставлена деревянная церковь во имя Обновления храма Воскресения Христова (в просторечии Воскресенская церковь), причем поставлена она была по указу царя Алексея Михайловича и по благословию патриарха Никона. К середине XVIII в. рядом стоял еще один деревянный храм — Петропавловский¹. Но приход назывался Воскресенским, по имени церкви, существующей ранее. Это был самый многолюдный приход поселения. По данным исповедных ведомостей 1761 г. в нем было 455 дворов и более тысячи (1011) душ мужского пола (д. м. п.)². Секуляризация церковных владений 1764 г. наиболее ощутимо сказалась именно на этом приходе. К 1769 г. он сократился вдвое, в нем осталось 205 дворов и 571 д. м. п.³ Сокращался приход и позднее. К 1825 г. в нем было всего 120 дворов и 426 д. м. п.⁴

Более того, к 1782 г., к моменту получения поселением городского статуса — статуса посада, он оказался единственным из шести приходов, в котором не было каменного храма. Еще до секуляризации были построены каменные Введенская (1547), Пятницкая (кон. XVII в.)⁵ и Рождественская (1736); а после нее Успенская (1769), Ильинская (1773) и Вознесенская (1779) церкви. Правда, в 1775 г. обветшавшее деревянное здание Воскресенского храма заменили новым, но тоже деревянным. Потребовалось еще 35 лет, чтобы дело строительства каменного сооружения сдвинулось с мертвой точки. И здесь хочется отметить еще один момент. Мне не удалось найти изображений этих деревянных храмов. Обычно в поле зрения рисовальщика попадал вид Троице-Сергиевой лавры со стороны въезда из Москвы. А в таком случае и Воскресенская, и Петропавловская церкви оказывались перекрытыми монументальными сооружениями монастыря.

Подробности строительства каменной Воскресенской церкви раскрывают документы, обнаруженные в Центральном государственном архиве Москвы в фонде ратуши Сергиевского посада (ЦГА Москвы. Ф. 73), — шесть договоров, зафиксированных в книгах записи условий и контрактов, в том числе два — на строительство собственно церкви и остальные четыре — о заготовке стройматериалов. Эти, а также аналогичные документы, были мной опубликованы в 2012 г.⁶ Кроме того, привлечены сведения из метрических книг и исповедных ведомостей, дела об освящении нового каменного храма и его придела, о назначении церковно- и священнослужителей, сохранившиеся в фонде Московской духовной консистории (ЦГА Москвы. Ф. 203), а также один документ из фонда

¹ Голубинский Е. Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М.: Синодальная типография, 1909. С. 315; Токарева Т. Ю. Приходские церкви Сергиева Посада. Сергиев Посад, 1997. С. 22–23.

² ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 293. Л. 84 об.

³ Там же. Ф. 203. Оп. 747. Д. 386. Л. 30 об.

⁴ Там же. Д. 1055. Л. 84.

⁵ Введенская и Пятницкая церкви составляли один приход.

⁶ Четырина Н. А. Контракты на строительные и отделочные работы, производство и продажу стройматериалов из фонда ратуши Сергиевского посада (1795–1863 гг.). М., 2012. 192 с.

Троице-Сергиевой лавры Российского государственного архива древних актов (РГАДА. Ф. 1204).

Организация каменного капитального строительства — это всегда хлопотное и дорогостоящее дело. Тем более, если речь идет не о частном доме, а о приходском храме. Для начала надо убедить членов прихода и причта в необходимости строительства, получить их письменное согласие, собрать необходимую сумму денег (которых всегда не хватает). Далее, свое решение надо согласовать с вышестоящим духовным и светским начальством, получить проект постройки и определить ее место. Надо было также позаботиться о подборе надежных мастеров и заготовить стройматериалы (кирпич, известь для раствора и другие компоненты).

Однако в данном случае порядок действий причта и прихожан был немного иным. Резолюция с разрешением на строительство была дана митрополитом Платоном 17 марта 1811 г. Старую деревянную церковь предполагалось разобрать, план новой был одобрен⁷. В справке Московской духовной консистории 1815 г. указана несколько иная дата: «в 1811-м году апреля 29 дня»⁸. Но первый из сохранившихся контрактов на строительство церкви из кирпича датируется 4 октября 1810 г. Правда, его регистрация в ратуше Сергиевского посада состоялась только 25 января 1811 г. Договор был заключен с артелью из 10 владимирских крестьян под руководством Григория Герасимова Логинова. Заказчиками выступили священник церкви в Кокуеве Сергей Васильев, церковный староста Иван Иванов Миронов и приходские люди⁹. Следовательно, договор с артелью строителей был заключен до получения письменного согласия митрополита Платона на строительство нового храма, т. е. в обход существовавших бюрократических процедур!

Вернемся к содержанию контракта. В документе указано, что строительство предполагается вести «близ оной церкви на отведенном месте», то есть сноса старых деревянных построек в момент работ не предполагалось, а также делать его «из церковного материала вновь по данному плану и фасаду», то есть проект имелся. Кроме этого, прихожане должны были предоставить «инструмент, как-то: ломы, топоры, заступы и прочее, также для подвизей бревна, доски, веревки и для работников квартера и дрова мирские».

Подготовительные работы планировалось начать уже осенью. Часть тяжелых земляных работ должны были выполнить сами прихожане, а именно: вырыть по плану рвы шириной и глубиной в два аршина (т. е. 1 м 42 см), «а где не окажется материку» — то и глубже. После этого артельные рабочие должны «в нынешнее осеннее время по глине вывести бут, а недоконченное следующей весной забутить». Эта работа артельщиков оценивалась в 150 руб.

Основные строительные работы планировалось начать в мае 1811 г. и окончить строительство в два лета, правда, с оговоркой: «...ежели не будет остановки в материале, а буде случится такая остановка, то и более, и на нем Логинове не взыскивать». В контракте называются некоторые детали планировки новой

⁷ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 752. Д. 6474. Л. 1.

⁸ Там же. Д. 3137. Л. 2.

⁹ Четырина Н. А. Указ. соч. С. 35–37.

церкви: «...зделание по фасаду олтара и трапезу со сводами, также наравне оных настоящей церкви и колокольни». Строительство предполагалось вести из кирпича с использованием белого камня на углах и подставах. Оплата была сделанная: с каждой тысячи кирпича по 4 руб., а «выше сводов до окончания церкви и колокольни» по 4 руб. 50 коп. Прописано качество строительства: «...самою хорошею и чистою работою, а ежели кем будет усмотрено худо, то безоговорочно должен переделать». При этом авансирования работ не предполагалось, а оплата должна была происходить только по факту и после осмотра.

Было взято обязательство и на летний сезон 1812 г.: «...выклась непременно кирпича сто тысяч; а если против показанного числа заготовлено будет и более, то класть безотговорочно». Для этих целей прихожане организовали собственный кирпичный завод. Подобная ситуация вполне характерна для развития кирпичного производства России до конца XIX в., возникавшего «на время проведения больших казенных, военных, церковных или градостроительных работ»¹⁰. Существовавшая в то время технология позволяла производить кирпич только в теплое время года, так как обязательная сушка полуфабриката могла происходить только на открытом воздухе. Глина для кирпича требовалась самая простая, неглубокого залегания под почвой. Раскопка ее совершалась вручную лопатой. Для производства требовалось однородное сырье, поэтому глину предварительно замачивали в специальных ямах (не менее 24 часов), затем тщательно разминали ногами в три приема. Следующей технологической операцией была ручная формовка. Формовку производили на столе — деревянную форму-рамку плотно набивали глиной, излишки срезали деревянным ножом до уровня верхнего края рамки. В кустарном производстве XIX в. использовали рамку — «пролетку», не имевшую дна. Отформованный кирпич-сырец просушивали на открытом воздухе от 10 дней и более, прикрывая его навесами от дождя, солнца и сильного ветра. Кирпич, потерявший правильную форму после просушки, правили. Далее кирпич обжигали в печах. При временном производстве использовали простейшие напольные печи в виде четырехгранной усеченной пирамиды, сложенной из кирпича-сырца, сверху покрытой дерном. Сила и степень обжига должны были быть значительными, чтобы произошло оплавление поверхности. Только хорошо обожженный, не пористый (т. е. не поглощающий влагу) кирпич может выдержать климат с продолжительными морозами и оттепелями. Вынутый из печи кирпич остужали и складывали под открытым небом в «клетки» — столбы по 250 штук с основанием из 10 кирпичей, плотно уложенных в квадрат. При разгрузке печи кирпич сортировали по степени обжига на железняк, полужелезняк, красный и алый. Первые два сорта считались наиболее крепкими, использовались для фундаментов и цоколей. При обжиге получается некоторое количество брака — лопнувшего кирпича. Нормой допускалось 100 шт. лопнувшего пополам кирпича из 1000, остальное — не засчитывалось в счет готовой продукции¹¹.

¹⁰ Кесслер Х. Историческая динамика сезонных рынков труда: формы найма и трудовые отношения в русской кирпичной промышленности XV–XX вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вторые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова: Материалы к международной конференции. Москва, 17–19 ноября 2011 г. М., 2011. С. 153.

¹¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1895. Т. XV. С. 129–144.

В мае 1812 г. специальным контрактом священника Иоанна и церковного старосты Ивана Миронова с прихожанами был нанят для производства кирпича на церковном заводе владимирский крестьянин Алексей Муратов¹². Он обязался поставить 200 тыс. хорошего кирпича по цене 8 р. за каждую тысячу, в том числе к 25 июля 30 тыс. Имеется условие объема и ритмичности поставок: «Так, чтоб для десяти человек каменщикам не было остановки». Требование к качеству были стандартными: 900 шт. целых, остальные 100 по частям. Другое условие гласило: «...чтоб песок, станки, дрова, рогожи, ведра и веревки должны представить они, прихожане, собственным своим коштом. Также и квартира должна быть от них, прихожан».

Однако события Отечественной войны 1812 г. внесли свои коррективы. Военные действия к 25 июля уже начались. Неизвестно, как долго продолжалось производство кирпича, но строительство храма в 1812 г. завершить не удалось. Более того, в июле 1813 г. новый церковный староста, крестьянин Герасим Антонов Ломов, согласился на просьбы строивших новые каменные лавки купцов и одолжил им «взаимообразно» 1300 пудов извести¹³. Вернуть известь обещали к 1 января 1814 г. Лучшей считалась круховая известь из села Мячково Бронницкого уезда Московской губернии. Известковый раствор использовался в технологии кирпичной кладки. В описании технологии, сделанной Павлом Алеппским, сказано: «Все их постройки делаются с известковым раствором <...> известь разводят водой и кладут в нее просеянный песок и только; смочив кирпич водой, погружают его в известковый раствор». Известковый раствор позволял стенам деформироваться, не разрушаясь¹⁴. Благодаря ему кладка обретала эластичность, а построенное здание стояло прочно.

Только к осени 1813 г. появилась возможность начать подготовку к следующему строительному сезону. По заключенному контракту, калязинский мещанин Иван Андреев Плюхин взялся поставить старосте Герасиму Антонову Лосеву 200 тыс. пудов лучшей круховой извести ценой по 33 коп. за пуд к середине марта 1814 г. Поставка произошла точно в соответствии с заключенным договором, и сохранилась расписка о выплате 700 руб.¹⁵

И вот в феврале 1814 г. уже новый священник этой церкви Иван Сергеев и староста церковный Герасим Антонов Ломов с прихожанами для завершения работ заключили другой договор — со строительной артелью владимирских крестьян Александра Семенова. Они должны были начаться 1 мая и окончиться в сентябре 1814 г. Стоявшая незавершенной церковь требовала особой осторожности, поэтому перед строителями была поставлена задача: «...что в к[л]адки прежней окажется сумнительно и нужно будит поправить, то ему, Антонову, взять у меня работников за особливаю плату». Более того, «фронтоны, арку и свод разобрать и кирпич без утраты произвести в дело». А далее «вывести кунпол и фонарик пролетной, равно и над олтарем, и соблюсти порядок по зданно-

¹² Четырина Н. А. Указ. соч. С. 107–108.

¹³ Там же. С. 111–112.

¹⁴ Цит. по: Трофимов И. В. Памятники архитектуры Троице-Сергиевой лавры: Исследования и реставрация. М., 1961. С. 228.

¹⁵ Четырина Н. А. Указ. соч. С. 110–113.

му плану. Вышины от бута 32 аршина» (т. е. 22 м 72 см). При этом «из боковых дверей с обеих сторон сделать два крыльца из кирпичу и утвердить у дверей по четыре столба на стороне калонныя и над ними выкласть франтоны, а в тунбах выкласть ряд из белого камня вверху и внизу, а в осьмерике, как разсудится, естли четвероугольно, то выкласть». «В осьмерике, в окнах сделать подушки из белого камня и карниз провести из кирпича простого».

Судя по этим условиям, первоначальный проект претерпел изменения. Стоимость основных работ составляла 1300 руб., дополнительные работы оплачивались отдельно. Кроме этого, для питания работников предусматривалось получение «муки ржаной пятьдесят пудов, цена за пуд рубль шестьдесят пять копеек; круп грешневых тридцать четвериков, цена за четверик два рубли; масла поснаго два пуда, цена за пуд восемь рублей, аржаного солоду четыре четверика, цена за четверик рубль семьдесят пять копеек»¹⁶. В сумме обозначенное продовольствие стоило еще 165 руб. 50 коп.

Строители не смогли окончить все работы ни за летний сезон 1814 г., ни в следующем году. Это произошло позднее. 3 мая 1818 г. на имя митрополита Московского и Коломенского Августина поступило прошение от священника Воскресенской церкви Федора Алексева и церковного старосты Герасима Антонова Ломова с приходскими людьми о дозволении освятить новую церковь и «антиминс сообщить новой», а «старую деревянную церковь уничтожив, всю церковную утварь из старой церкви обратить в новую, также местные образа поставить в новый иконостас». И даже приложили опись церковного имущества на 12 листах¹⁷. В справке Московской духовной консистории 1815 г. значилось: «...утварь церковную к священнослужению имеет посредственную»¹⁸, но с какой же любовью эта «посредственная» утварь была описана прихожанами! В ней 227 пунктов, но предметов больше, так как в одном пункте могли значиться несколько однотипных вещей. Опись сообщает, что в новом храме «иконостас старинной резной с калонами. Вызолочен на пелемент» (полимент — состав под позолоту листовым сусальным золотом). Все одеяния тщательно описаны с указанием названия тканей и цветовой гаммы: «Ризы штофные малиновые. Оплестье парчевое по голубой земле с разными цветами. Около оплестья и подольника прозумент золотой. Крест прозументу того ж. Звезда парчевая голубая. Подложена набойкой пестрой по красной земле»; «Подризник малиновой камчатной. Оплестье и подольник камки вишневой. Крест ленты пестрой. Подложен крашениной кирпичной»; «Стихарь пукетовый по желтой земле с разными цветами. Оплестье голубое парчевое. Около оплестья прозумент серебряной. Зарукавье парчевое голубое. В круге прозумент серебряной. Крест серебряной. Подольник грезетовой голубой. Около подольника сетка серебряная. Подложен крашениной кирпичной»¹⁹ и т. д.

¹⁶ Четырина Н. А. Указ. соч. С. 42–43.

¹⁷ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 752. Д. 6474. Л.1–1 об., 2, 3–14 об.

¹⁸ Там же. Ф. 203. Оп. 752. Д. 3137. Л. 2.

¹⁹ Штоф — плотная одноцветная ткань с крупным узором; парча — шелковая ткань, закрашенная золотыми или серебряными нитями; камка — шелковая китайская ткань ручного производства с вытканым двусторонним узором (разводами), преимущественно одноцветная; прозумент (искаж.) — позумент — золотая или серебряная тесьма; крашенина — грубая

Новый кирпичный храм был выстроен, покрыт железом, выкрашен. Правда, каменная колокольня еще строилась. И вот 21 июля 1818 г. состоялось освящение главного престола основного храма наместником лавры архимандритом Никанором²⁰.

Через год, летом 1819 г., были закончены работы в приделе «во имя Святых Апостол Петра и Павла». Снова была сделана опись имущества придела на трех листах, т. е. значительно более скромная по составу (38 пунктов), так как «ризы, подризники, прочее все для богослужения нужное имеется в обще с настоящим храмом». Было получено разрешение, и 28 сентября 1819 г. состоялось освящение нового придела на старом антиминсе 1748 г. Его совершил архимандрит Никанор вместе с духовенством Сергиевского посада. Правда, Никанор уже был в этот момент ректором Спасо-Вифанской семинарии²¹.

Теперь о судьбе деревянных построек. На плане Сергиевского посада конца XVIII в., вернее на подоснове проекта перепланировки поселения 1792 г., опубликованного К. А. Филимоновым, под № 17 четко изображены два храма — Воскресенская и Петропавловская церкви. В контракте 1810 г. для нового кирпичного храма была указана локация «близ оной церкви на отведенном месте». В уже цитированной ранее справке Московской духовной консистории 1815 г. читаем: «Церковь Обновления храма Воскресения Христова, что в Кокуеве, с приделом святых Апостол Петра и Павла показана деревянная в твердости... Сверх оной деревянной церкви... строится новая каменная». В какой момент из двух деревянных церквей возникла одна с приделом, не ясно. В 1818 г. в прошении было написано: «...старую деревянную церковь уничтожив, всю церковную утварь из старой церкви обратить в новую». И, наконец, в 1819 г. прихожане просили дозволения старый деревянный храм разобрать и использовать «на обжигу для вновь строящихся церквей кирпича в имеющемся при нашей церкви заводе», что и было позволено²². Видимо, именно после этого и была разобрана старая деревянная церковь.

По оценке краеведа К. А. Филимонова, «Воскресенская церковь замкнула кольцо каменных приходских храмов вокруг Троице-Сергиевой лавры. Хотя главный престол Кокуевской церкви посвящен празднику Воскресения Христова, жители чаще называли и называют ее Петропавловской, по приделу во имя апостолов Петра и Павла»²³. Именно это название зафиксировано в договоре 1813 г. о займе купцами извести²⁴. Специалисты отмечали необычность постройки, сочетавшей в себе черты классицизма и барокко. По своему типу «одноглавый храм с лепестковым планом принадлежит к ярусным сооружениям. Его бесстопный двусветный четверик, перекрытый сомкнутым сводом с диагональ-

крашенная ткань домашнего изготовления; набойка — бумажная или льняная ткань с отпечатанными ручным способом с помощью досок-манер узорами.

²⁰ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 752. Д. 6474. Л.15.

²¹ Там же. Д. 7412. Л. 1, 3–5, 7.

²² Филимонов К. А. Сергиев Посад. Страницы истории. XIV — начало XX века. М., 1997. С. 64–65; Четырина Н. А. Указ. соч. С. 35; ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 752. Д. 3137. Л. 2; Д. 6474. Л. 1–1 об.; Д. 7412. Л. 1–1 об.

²³ Филимонов К. А. Указ. соч. С. 82.

²⁴ Четырина Н. А. Указ. соч. С. 110–111.

ными лотками, доминирует над пониженными помещениями алтаря и боковых экседр. Последние обеспечили интерьеру поперечную ориентацию. Небольшая трапезная связывает храм с колокольной»²⁵.

Несколько слов о личности архимандрита Никанора (26.11.1787 — 17.09.1856), совершившего освящение и основного храма в 1818 г., и придела в 1819 г. Иеромонах Арсений пишет, что он родился в семье местного священника Успенской церкви Стефана Алексева. В миру носил имя Николай, учился в семинарии Троице-Сергиевой лавры, достиг очень высоких постов (митрополита Новгородского, Санкт-Петербургского, Эстляндского и Финляндского, члена Святейшего Правительствующего Синода), а также принимал участие в коронации императора Александра II в 1856 г. Опись имущества Успенской церкви 1861 г. сообщает полный список вложенных им в память о родителях икон, богослужебных книг, сосудов, одеяний и прочего, а также завещанной после смерти золотой пангии²⁶.

Совсем немного удалось узнать о членах церковного причта периода строительства нового храма 1810–1819 гг. В начале XIX в. он состоял из священника, дьячка и пономаря. Диакона в это время не имелось, хотя в середине XVIII в. они названы поименно в исповедных ведомостях. Названный в договоре 1810 г. священник Сергей Васильев занимал эту должность до апреля 1812 г., а появился он на приходе не позднее 1803 г. 18 октября 1809 г. умерла его жена Анна Семенова 28 лет. Она была погребена в Покровском Хотьковском монастыре. Но и после этого некоторое время вдовый священник Сергей Васильев продолжал свою службу. Причем именно на годы его вдовства пришлось решение о строительстве нового каменного храма. С апреля 1812 г. священником был Иоанн Сергеев. В марте 1817 г. в возрасте 25 лет он был переведен «Богородской округи в село Стромьнь к Никольской церкви». На освободившееся «праздное место» по выбору прихожан и собственному согласию в апреле 1817 г. был назначен Федор Алексеев, бывший до этого священником в Рождественской церкви села Иовлева. В справке Московской духовной консистории 1817 г. о нем сказано: «Дмитровской округи Радонежской десятины Рождественской, что в селе Иовлеве, церкви священник Федор Алексеев по ревизским 1816 года скаскам показан от роду 30 лет, не вдов, обучался в семинарии и курс богословского учения кончил. Начально к оной Рождественской церкви произведен высокопреосвященнейшим Августином... во диакона 1806 марта 4-го, а потом произведен к оной же церкви покойным Платоном митрополитом Московским во священника 1808 года ноября 14-го числа. За подписанием коего ставленную грамоту имеет. Дел и подозрений до него по консистории не касалось. Состояния и по ведомостям о качествах показанного за 1813, 814, 815 и 1816 годы изрядного». Умер Федор Алексеев 17 июля 1824 г., «быв немалое время болен» в возрасте 38 лет. После него остались: жена Прасковья Никитина 32 лет и дети:

²⁵ Некрасов А. И. Художественные памятники Москвы и Московской губернии. М., 1928. С. 245; Памятники архитектуры Московской области. Вып. 2. М., 1999. С. 67–68.

²⁶ Арсений, иеромонах. Село Клементьево, ныне часть Сергиевского посада, составляющая один из его приходов // ЧОИДР. М., 1887. Кн. 2. С. 29; ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 645. Д. 273. Л. 84–85, 102–102 об., 104, 106–109, 110, 111, 112–112 об.

Александра (14 лет), Марья (11 лет), Анна (9 лет), Петр (4 года), Агриппина (3 года). Для поддержки осиротевшего семейства было решено, что «на место выше именованного умершаго священника поступает Вифанской семинарии ученик Михайло Александров Заболоцкий со взятием на себя онаго умершаго священника дочери»²⁷.

Дьячком в метрических книгах за 1812–1822 гг. называют Ивана Яковлева. По сведениям исповедных ведомостей, в 1825 г. ему было 34 года, его жене Ксении Ивановой — 33, а сыну Ивану — 13 лет²⁸.

Пономарем в 1812–1815 гг. был Афанасий Сергеев, не вдов. В возрасте 28 лет он был «определен в Московской Зачатьевский девичий монастырь в то ж звание 1815 года мая 18 дня». На освободившееся место поступил Михайло Никитин. В справке Московской духовной консистории 1817 г. о нем сказано: «Михаил Никитин природою состоит Богородской округи села Богословского, Могильцы тож, дьячка Никиты Федорова сын. По ревизии 1816 года показан от роду 22 лет, холост, обучался в лаврской семинарии до риторики. Во первых определен был в пономаря Дмитровской округи в село Иовлево 1814-го марта 4-го, а к Воскресенской церкви переведен 1815 года в октябре 21 числа, а в стихарь еще не посвящен. Дел же и подозрений до него по Консистории не оказалось и состояния по ведомостям о качествах показан за 1815-й смиренным и 1816-й честнаго». В 1817 г. Михаил Никитин обратился к вышестоящим духовным властям с прошением о посвящении его в стихарь. После наведения справок, допроса, обязательств («изученный им катихизис почитать и знать будет в твердости; платье носить станет приличное церковническому званию; так же и житие препровождать обязуется трезвенное; а упиватися и соблазнов никаких, паче ссор и драк чинить не с кем и в питейные дома для питья ходить не будет и свою должность исправлять желает со всяким тщанием и ревностью»), экзамена на знание катихизиса («изучил наизусть и силу онаго понимает не худо»), исповеди, приведения к присяге, наконец, 17 марта 1817 г. «пономарь Михаил Никитин в стихарь посвящен преосвященнейшим Августином архиепископом Дмитровским и кавалером в домово́й церкви Преподобнаго Сергия, что на Троицком Сухаревском подворье». Вероятно, после этого события Михаил Никитин женился. Исповедные ведомости 1825 г. сообщают, что пономарю Михайле Никитину был 31 год, его жене Наталье Матвеевой 20, их детям Надежде 5, Василию 3 и Дарье 1 год²⁹.

Немного о старостах Воскресенского прихода, названных в контрактах на строительство каменной церкви. В 1810–1812 гг. это Иван Иванов Миронов, в 1813–1819 гг. — крестьянин Герасим Антонов Ломов. Деятельность церковного старосты была выборной, никак не оплачивалась, но предполагала заботу о приращении церковных доходов, в частности выручаемых от продажи свечей, а также скрупулезное ведение финансовой документации по всем правилам, а

²⁷ ЦГА Москвы. Ф. 2128. Оп. 1. Д. 119-б. Л. 1, 51 об., 63 об., 65, 102 об.; Ф. 203. Оп. 752. Д. 5497. Л. 2, 4, 4 об.; Оп. 209. Д. 636. Л. 1, 8.

²⁸ Там же. Оп. 1. Д. 119-б. Л. 65, 145; Ф. 203. Оп. 747. Д. 1055. Л. 68.

²⁹ Там же. Ф. 2128. Оп. 1. Д. 119-б. Л. 72, 89, 96 об., 145; Ф. 203. Оп. 752. Д. 3137. Л. 2; Д. 5496. Л. 2, 3, 6; Оп. 747. Д. 1055. Л. 68.

именно книг записи прихода и расхода денег. Требования к ведению церковной бухгалтерии были весьма строгими, не допускалось скидок на отсутствие специальных навыков, времени и оплаты труда. Более того, и староста Иван Иванов Миронов, и староста Герасим Антонов Ломов были неграмотными, и за них по их просьбам подписи под документами ставили другие. Следовательно, незнание грамоты не уменьшало деловых качеств и в глазах прихожан не являлось явным пороком, препятствующим исполнению ответственной и хлопотной должности.

Иван Иванов Миронов происходил из семьи потомственных штатных служителей монастыря. В исповедных ведомостях Воскресенской церкви 1769 г. имеются сведения о проживании семьи Ивана Миронова 36 лет, его жены Агафьи Егоровой 35 лет и их детей: Ивана (8 лет), Федора (7 лет) и Марии (4 года)³⁰. В описи штатных служителей 1785 г. называется Иван Иванов Миронов, штатный служитель, старожил, 50 лет, женатый на дочери бывшего лаврского служителя Егора Купреянова Агафье Егоровой. Вместе с родителями проживали сын Иван 15 лет и дочь Марья 18 лет. И кроме этого отдельно называется еще один Иван Иванов Миронов 23 лет (тот самый, которому в 1769 г. было 8 лет), женатый на дочери лаврского служителя Якиме Семенчинского Матрене Якимовой, не имеющий детей, умеющий столярному и оконничному мастерствам, находящийся на штатной должности при лавре. Он проживал во дворе своего отца в Воскресенском приходе в Нижней Кокуевской слободе³¹. Итого, в 1785 г. в Воскресенском приходе проживали трое Иванов Ивановых Мироновых — отец, женатый сын и сын холостой! Метрические книги сообщают, что 11 января 1790 г. штатный служитель Иван Иванов Миронов (видимо тот, который был холостым в 1785 г.) сочетался браком с дочерью крестьянина Семена Максимова Латышева девицей Ириной Семеновой³². Там же находим информацию, что Иван Иванов Миронов (интересно какой именно из троих или каждый из них в разное время?) и Матрена Якимова Миронова неоднократно становились восприемниками при крещении новорожденных в семьях жителей посада штатного служителя Ивана Яковлева Оконнишникова, мещанина Ивана Антипова, купцов Алексея Лукьянова и его сыновей Андрея и Якиме Алексеевых Гагинских в конце XVIII — начале XIX в.³³ Наличие подобных связей многое говорит об умении выстраивать отношения с людьми. Недаром в народе существует поговорка «Нам (мне) с ним детей не крестить» как показатель совершенной автономности, независимости от человека. В 1810 г., в год заключения первого контракта на строительство храма, отцу и сыновьям Мироновым приблизительно могло быть 77, 49 и 40 лет соответственно. Судя по возрасту, отца скорее всего надо исключить. Метрические книги сообщают, что 11 апреля 1813 г. умер штатный служитель Иван Иванов Миронов 53 лет³⁴. Судя по возрасту, это был муж Матрены

³⁰ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 386. Л. 23 об.

³¹ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 1288. Л. 34 об. — 35.

³² ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 795. Л. 32.

³³ Там же. Ф. 2128. Оп. 1. Д. 16. Л. 53 об., 110; Д. 19. Л. 34, 35; Д. 54. Л. 70, 90, 116 об. лет; Д. 55. Л. 12, 16 об., 23, 81.

³⁴ Там же. Ф. 2128. Оп. 1. Д. 119-б. Л. 77 об.

Якимовой. Вероятно, именно он и был церковным старостой. Тем более, что уже в июле 1813 г. старостой назван крестьянин Герасим Антонов Ломов.

Исповедная ведомость Воскресенского прихода 1825 г. сообщает о единственном Герасиме Антонове, вдовце, 58 лет. Значит, это и есть староста Ломов. Получается, что он родился в 1767 г., мог быть назван в исповедных ведомостях 1769 г. Но в этом документе ничего не сообщается о семье крестьянина Антона с сыном Герасимом. Возможно, они появились в поселении позднее. В 1825 г. с вдовым отцом проживали семьи его женатых сыновей — Алексея 22 и Ивана 36 лет, — а также сестра-вдова, всего 10 человек³⁵. Судя по записям в метрических книгах, семья крестьянина Герасима Антонова Ломова появляется в Воскресенском приходе не позднее 1805 г. Документы сообщают, что 22 января 1805 г. Ломов выдал дочь девицу Праскеву замуж за мещанина Алексея Петрова Улитина, а 26 октября 1813 г. дочь девицу Марфу за сына штатного служителя Алексея Родионова. В 1806 г. А. П. Улитин уже числился купцом, и у него родилась дочь Анна, восприемницей которой стала теща — жена Герасима Антонова Ломова крестьянка Мавра Семенова Ломова. Овдовел Герасим Антонов в 1813 г. Его жена Мавра Семенова умерла 4 января в возрасте 47 лет³⁶. В августе 1814 г. произошло событие, одновременно связанное и с церковным старостой Г. А. Ломовым, и с финансированием строительства церкви. Информация об этом сохранилась в книгах записи условий и контрактов. К этому времени умер бездетный крестьянин Ильинского прихода Никита Герасимов. Это означало, что его вдова в таком случае могла претендовать по закону только на $\frac{1}{4}$ часть движимого и $\frac{1}{7}$ часть недвижимого имущества. Все остальное должно было поступить кровным родственникам покойного. Вдова покойного Аксинья Филипова и ближайшие его родственники, в том числе племянник Стефан Петров, по общему согласию, продали дворовладение и вырученную сумму 260 руб. отдали «на построение церкви Петра и Павла церковному старосте Герасиму Антонову сыну Ломову». В документе было указано, что это было сделано «по приказанию умершаго»³⁷. Примечательно, что покойный благотворитель проживал в одном приходе, а имущество пожертвовал в пользу строительства храма в другом приходе.

В XX в. храм пережил и разорение советского периода, и возрождение в 90-е гг. По сведениям О. Пэнэжко, в 1924 г. в Петропавловском храме служил святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России. Затем, в 1935 г., храм захватили обновленцы, а в 1939 г. закрыли вовсе³⁸. Его использовали для разных городских нужд. Это стало началом разорения. Церковь была обезличена разборкой барабана, крылец и верхних ярусов колокольни. Полностью были утрачены прежние иконостас и внутреннее убранство. В настоящее время храм восстановлен и является подворьем Троице-Сергиевой лавры. Возможно, одной из составляющих этой жизнеспособности здания было качество кирпичного строительства, о котором было рассказано выше.

³⁵ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1055. Л. 76 об.

³⁶ Там же. Д. 1074. Л. 3; Ф. 2128. Оп. 1. Д. 19. Л. 36, 42; Д. 119-б. Л. 74 об.

³⁷ Там же. Ф. 73. Оп. 2. Д. 30. Л. 25 об.

³⁸ Пэнэжко О. Город Сергиев Посад. Троице-Сергиева Лавра. Покровский Хотьковский монастырь и монастырские подворья. Владимир, 2007. С. 236, 238.

Список литературы

- Арсений, иеромонах. Село Клементьево, ныне часть Сергиевского посада, составляющая один из его приходов // ЧОИДР. М., 1887. Кн. 2.
- Голубинский Е. Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М.: Синодальная типография, 1909.
- Кесслер Х. Историческая динамика сезонных рынков труда: формы найма и трудовые отношения в русской кирпичной промышленности XV–XX вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вторые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова: Материалы к международной конференции. Москва, 17–19 ноября 2011 г. М., 2011. С. 151–155.
- Некрасов А. И. Художественные памятники Москвы и Московской губернии. М.: изд. Моск. гос. ун-та, 1928.
- Памятники архитектуры Московской области. Вып. 2. М.: Стройиздат, 1999.
- Пэнэжко О. Город Сергиев Посад. Троице-Сергиева Лавра. Покровский Хотьковский монастырь и монастырские подворья. Владимир, 2007.
- Токарева Т. Ю. Приходские церкви Сергиева Посада. Сергиев Посад, 1997.
- Трофимов И. В. Памятники архитектуры Троице-Сергиевой лавры: Исследования и реставрация. М.: Гостройиздат, 1961.
- Филимонов К. А. Сергиев Посад. Страницы истории. XIV — начало XX века. М.: Издательский дом «Подкова», 1997.
- Четырина Н. А. Контракты на строительные и отделочные работы, производство и продажу стройматериалов из фонда ратуши Сергиевского посада (1795–1863 гг.). М.: МГСУ, 2012.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1895. Т. XV.

Vestnik Pravoslavnogo Sviato-
Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta.
Seriiia II: Istoriiia. Istoriiia Russkoi
Pravoslavnoi Tserkvi.
2022. Vol. 109. P. 52–64
DOI: 10.15382/sturII2022109.52-64

Natalia Chetyrina,
Candidate of Sciences in History,
Associate Professor, Researcher,
Department of History and Theory of Politics,
Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
nchetyrina@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4274-2710>

ON THE HISTORY OF CONSTRUCTION OF THE STONE RESURRECTION (PETROPVLOVSKAIA) CHURCH IN SERGIEVSKI POSAD

N. CHETYRINA

Abstract: One of the parishes of the ancient Sergievski posad of Moscow Province received its name from the wooden church built to commemorate the Renewal of the Church of the Resurrection of Christ, “Voskresenskaya” in the everyday speech. It was constructed to the north of the monastery in 1654 by decree of Tsar Alexei Mikhailovich and with the blessing of Patriarch Nikon in memory of the events of the defense of

the monastery in 1608–1610. By 1782, i.e. the time when the settlement received urban status — the status of a “posad” — the Resurrection Church remained wooden, while in other parishes the churches were built of stone. Moreover, there was another wooden church in this parish, the one built to commemorate Apostles Peter and Paul (Petropavlovskaya). It was possible to replace wooden buildings with a stone (brick) church only in the first quarter of the 19th century. Initially, it was supposed to carry out the construction in a couple of seasons of 1811–1812. To do this, Metropolitan Platon’s permission (resolution) was obtained, the plan and façade of the church with the chapel were approved, a suitable team of builders was found, the work of a brick factory was organised, other building materials were prepared. However, the events of the Patriotic War of 1812 and its consequences slowed down the progress of work. The buildings were returned to construction in 1814. The consecration of the church took place in two stages, as all construction and finishing works were completed. In 1818, the main altar was consecrated to commemorate the Renewal of the Church of the Resurrection of Christ on the new antimins, and the next year, 1819, the chapel with the throne in the name of Apostles Peter and Paul on the old antimins. Both events took place with the participation of an outstanding local native Archimandrite Nikanor (26.11.1787 — 17.09.1856) and the clergy of Sergievski Posad. In everyday life, residents often call it Petropavlovskaya church. In the 20th century, it was ruined and then restored and is now a house of the Trinity-Sergius Lavra.

Keywords: local history, Trinity-Sergius Lavra, Sergievski Posad, Resurrection (Peter and Paul) church, parish, stone construction, brick production.

References

- Chetyrina N. (2012) *Kontrakty na stroitelnye i otdelochnye raboty, proizvodstvo i prodazhu stroimaterialov iz fonda ratushi Sergievskogo posada (1795–1863 gg.)*. Moscow (in Russian).
- Filimonov K. (1997) *Sergiev Posad. Stranitsy istorii. XIV — nachalo XX veka*. Moscow (in Russian).
- Kessler Kh. (2011) “Istoricheskai dinamika sezonnich rinkov truda: formy naima i trudovye otnosheniya v russkoi kirpichnoi promyshlennosti XV–XX vv”, in *Rus, Rossia: Srednevekovie i novoe vremia. Vtorie chteniya pamiati akademika RAN L.V. Milova. Materialy k mezhdunarodnoi konferentsii. Moskva, 17–19 noiabria 2011 g.* Moscow, pp. 151–155 (in Russian).
- Nekrasov A. (1928) *Khudozhestvennye pamiatniki Moskvi i Moskovskoi gubernii*. Moscow (in Russian).
- Pamiatniki arhitektury Moskovskoi oblasti* (1999). Moscow (in Russian).
- Peneiko O. (2007) *Gorod Sergiev Posad. Troitse-Sergievoi lavra. Pokrovski Khotkovski monastyr’ i monastyrskie podvorja*. Vladimir (in Russian).
- Tokareva T. (1997) *Prihodskie tserkvi Sergieva Posada*. Sergiev Posad (in Russian).
- Trofimov I. (1961) *Pamiatniki arhitektury Troitse-Sergievoi lavry. Issledovania i restavratsia*. Moscow (in Russian).

Статья поступила в редакцию 00.00.2022

The article was submitted 00.00.2022